

Анна Саворовская
Одесса

Экзистенциальное в повести Александра Чаянова
Венецианское зеркало, или Диковинные похождения
стеклянного человека

Ключевые слова: мотив, неоромантизм, экзистенциализм, двойничество, антропологическая проблематика, концепт, А.В. Чаянов

Категория «экзистенциальное», как известно, охватывает ряд мировоззренческих проблем существования человека. К осмыслению особенностей решения главного экзистенциального вопроса о месте человека в мире подходили разные учёные. Кто-то называл личность «экзистенциальным центром мира» [Аругтюнова 1994, 107], кто-то актуализировал интерес к экзистенциальному «неприятию всякой нормативности, субъективности истины» [Шервашидзе 2005, 5], кто-то видел в экзистенциализме «анализ связей, как следствие проявлений личности» [Шаровская 2009, 17].

Размышляя о литературном процессе начала XX века, Е.В. Тырышкина отмечает стремление писателей «подать себя как наглядный объект “иногo”» [Тырышкина 2002, 96]. Исследователь акцентирует внимание на процессе «углубления художников в подвалы собственного “я”» [Тырышкина 2002, 116], поиска ответов на экзистенциальные вопросы.

С.К. Криворучко вводит в употребление термин «экзистант» (личность, стремящаяся к творчеству и личностной самореализации), пишет о формировании экзистенциального мироощущения как набора культурных характеристик [Криворучко 2012, 114]. В любом случае, в произведении на первый план выходят экзистенциальные антрополо-

гические проблемы и пути их решения. Показательным в этом отношении является творчество А.В. Чаянова.

Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) известен, прежде всего, как лидер профессиональной интеллигенции, ученый-экономист, сторонник переустройства экономики социалистической России, автор концепции крестьянского семейно-трудового хозяйства.

Однако круг интересов Чаянова не замыкался на экономике. Историк Илья Герасимов пишет:

Александр Чаянов был талантливым человеком. И талант его проявлялся, прежде всего, в умении «строить жизнь», «пускать в дело» все те способности, которыми его щедро одарила природа. Что бы ни попадало в сферу его интересов (и куда бы он сам ни обращал свой азартный внутренний взор), получалось, в конце концов, нечто замечательное. Будь то наука, бизнес, политика, искусствоведческие изыскания или литература [Герасимов 1997, 10].

Александр Васильевич Чаянов занимался коллекционированием живописи, оставил после себя познавательные и глубокие научные работы по истории и искусствоведению, написал под псевдонимом Ботаник X несколько художественных произведений. Пять «романтических», как их сам называет автор, повестей – это удивительные фантазии в духе Гофмана, Лермонтова, Гоголя, По.

Сюжетной основой повестей Чаянова является изображение дисгармоничной реальности и личности, находящейся с ней в романтическом разладе. Писателю близок романтизм с его устремленностью к субстанциональному и разладом с действительностью, которая из-за ее антигуманности и раздробленности казалась опасной для человека.

Художественное пространство произведений Чаянова пронизано духом прошлого, гротескными сюжетами, оригинальными характеристиками с магическими силами и иллюзорными образами призраков, иллюминатов, масонов. Главные герои его повестей желают одержать победу над реальными и фантастическими обстоятельствами.

Неоромантические тенденции в творчестве писателя связаны, в первую очередь, с его желанием акцентировать внимание читателя на неведомом, заставить втянуться в увлекательный художественный мир, поставить для себя вопрос о существовании неведомой силы, решающей жизненные судьбы, роли самосознания человека, его праве на самостоятельный выбор. К ним вполне применимо то, что пишет о неоромантизме, выделяя его характерные свойства, Агнешка Лис-Чапига. Исследовательница указывает на «веру в возможность осуществить

идеал в обыденной жизни, попытку преодолеть разрыв между мечтой и действительностью, протест против окружающей среды (внешнего мира), интерес к исключительному, стремление выразить духовную красоту индивида». Герой неоромантического произведения, продолжает Агешка Лис-Чапига, – «представитель общества (иногда отчужденный от него), необыкновенный, активный деятель, незаурядная личность, подвергающая себя риску». Присущи повестям А.В. Чаянова и другие особенности поэтики неоромантического художественного текста, на которые обращает внимание исследовательница: «динамичный сюжет, экзотика, фантастика и ирреальность, нередко эсхатологические настроения, психологизм, интерес к природе, поэтика контрастов и гротескность» [Lis-Czapiga 2014, 34]. Повести Чаянова – это занимательное путешествие в эпоху встречи с inferнальным и непредсказуемым. Герои Чаянова переживают действительность как нечто, таящее в себе неожиданность и неподвластность человеку – те черты, которые были свойственны и индивидуальному самосознанию автора произведений. Все это, как представляется, в первую очередь было обусловлено тем, что в начале XX века, когда жил писатель, произошло изменение картины мира, возрос интерес к философским проблемам существования человека, проблемам судьбы, свободы личности.

Повесть А.В. Чаянова *Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека* написана в 1922 году. Интересно, что именно на это произведение обращает внимание Марина Гришаква, когда пишет о возможных влияниях на формирование интереса к двойничеству В. Набокова. Исследовательница ссылается на то, что эта повесть Александра Чаянова была в 1923 году опубликована в Берлине и могла привлечь внимание Набокова тем отпечатком культуры декаданса с его эротизмом, интересом к «острым» деталям в сочетании с динамично развивающимся авантюрным сюжетом и романтической атмосферой тайны. В ней, по мнению М. Гришаквой, очевидны аллюзии на произведения Р.Л. Стивенсона, Э.А. По, О. Уайльда, В. Брюсова и А. Белого [Grishakova 2006, 225].

Повесть А. Чаянова состоит из пяти глав. Каждая из них имеет подзаголовок, цель которого – сформировать определенное эмоциональное настроение читателя, показать, что «за Москвою-рекою существует нечто выходящее за пределы допускаемого благонравными педантами» [Чаянов 1989, 89].

Главный герой произведения, коллекционер Алексей, находится в состоянии сплина из-за того, что экспонаты художественного творчества в его яузском особняке не связываются между собой в конечное

единство. Желая достичь заключительного синтеза в коллекции, Алексей приобретает зеркало, обладающее магическими свойствами. Герой, в конечном итоге, оказывается во власти заключенного в его пространстве злобного двойника и даже меняется с ним местами, превращаясь в отражение. Когда же Алексей узнает, как его двойник издевается над оставшейся в реальном мире его женой Кет, он не выдерживает плена и, собрав все силы, вырывается из зазеркалья. Но на этом страдания героя не завершаются, так как не только его двойнику удастся скрыться, но исчезает и Кет. Алексей вынужден доказывать свою невиновность в преступлении, совершённом двойником, бороться со своим допельгангером. Ему удастся победить противника. После чего чары рассеиваются, Алексей возвращается в свой особняк, где и застаёт любимую жену.

В сюжете повести *Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека* категория экзистенциального объективного переходит в экзистенциальное субъективное, вследствие чего «на первый план выходит проблема раздвоенности личности в дисгармоничном мире, ведь «демон», «зло» из окружающей его действительности, извне, переходит в частицу его собственного «я»» [Мусий 2009, 495].

Зло не просто доставляет страдание герою повести, но, под воздействием inferнального двойника, меняется характер Алексея. Повествователь *Венецианского зеркала, или Диковинных пождений стеклянного человека* сообщает, что «под наваждением странного зеркала Алексей чувствовал себя каким-то другим: Все те элементы его сущности, которые он научился с годами подавлять, с неожиданной бурностью и силой проявились вновь» [Мусий 2010, 79]. По мнению И. Герасимова, «В Стеклянном человеке воплотились революционные разрушительные инстинкты, подсознательные страсти самого А. Чаянова, которые порой ему даже “странно нравились”» [Герасимов 1997, 68].

Примечательна мифопоэтическая основа представлений о зеркале, которое воспринимается в качестве двери. Зеркальный топос приобретает в повести А.В. Чаянова картину «как бы реальности, иллюзию с эффектом реальности» [Киченко 2003, 185].

Тема двойничества, реализованная писателем XX века, сближает героя повести А. В. Чаянова с доктором Джекилом, столь отчаянно борющимся со своим злым двойником, мистером Хайдом – центральным персонажем «странной истории» английского писателя-неоромантика Р.Л. Стивенсона. Важным при этом оказывается мотив зазеркалья, помогающий полнее, ярче выразить трагизм отчуждения человека, раз-

рыва его связей не только с внешним миром, но и погружения в войну с самим собой. Задавшись вопросом, почему XIX век так был «напуган явлением двойника», Валерий Подорога обращает внимание на остроту восприятия «на исходе романтической эпохи» «человеческой отраженности». В. Подорога пишет:

Зеркало может быть нейтральным, пассивным, а может спровоцировать драматическую, крайне мучительную цепь переживаний. Иногда попытка восстановления единства «я» с помощью зеркала лишь усиливает власть двойника. Тот, кто смотрит на меня из зеркала – не «я», а Другой, «мой враг», ибо он разрушает своим явлением порядок образов, какими я пытаюсь себя защитить, чтобы удержать телесную и психическую идентичность, не допустить раздвоения. Сумеречные зеркала дwoят, фрагментируют отраженный облик, порождают чудовищ. Именно тот взгляд, что принадлежит зеркалу, получает господство над нами, нас кто-то рассматривает, чей взгляд мы не в силах определить [Подорога 2006, 482].

В литературе на одно из ведущих мест выдвигается мотив зеркала, связанный с представлениями о двойничестве и двоемирии. Внимание Чайнова к зеркалу было обусловлено совмещением бытового и мистического в одном предмете, указанием на многомерность, текучесть, изменчивость и обманчивость видимости. Наряду с А.В. Чайновым, писатели начала XX века неоднократно прибегали к символике зеркал как предметов, с помощью которых двойник проникает в жизнь героев. Показательными в этом отношении являются произведения В.Я. Брюсова (*В зеркале*), З. Гиппиус (*Зеркала*) и М. Волошина (*Зеркало*).

Подтверждением того, что именно эта сторона результата встречи с зеркальным двойником наиболее показательна для литературы этой эпохи, является и небольшой рассказ Александра Грина *Безногий*. Сначала герой признается, что не любит зеркал, затем видит отражающегося в зеркале инвалида («жизнь этого рассеченного пополам узника ушла в глаза, блестяще и напряженно бегающие по лицам идущей над ним толпы») и удерживает свой взгляд на нем, хотя калека и был ему «неприятен и жалок», и внезапно делает страшное для себя открытие. Безногий калека, которого герой видит в зеркале – это он сам. Но ему настолько страшно признаваться себе в этом, что он пытается мысленно отделиться от своего нового я, к сожалению, настоящего «я» и жить впечатлениями, ощущениями себя прежнего, уже ненастоящего, сохраняющего свое существование лишь в памяти. Виртуальное «я» пытается уничтожить, подменить «я» реальное. А зеркало возвращает к себе настоящему. Оттого и ненависть к зеркалам. У А.В. Чайнова, в отличие от А. Грина, этот мотив отчуждения в большей степени со-

храняет связь с мифопоэтической основой символа зеркала как двери в иной мир. Отсюда – возможность судить о мотивировке таинственного в произведении.

Вследствие проникновения допельгангера в жизнь чаяновского Алексея, происходит расщепление «Я» героя, двойник занимает его место в мире, заставляя совершать определенные действия (Алексей вынужден доказывать свою невиновность и бороться за право быть с любимой). Герою приходится бороться с демоническим двойником за своё право на существование в реальном мире, в результате чего Алексей выигрывает битву. Однако, как обнаруживается, это был поединок не только с внешним противником.

Зеркало странным образом активизирует отрицательные стороны главного героя повести, обличает его в грубости:

Алексей напряженно вглядывался в искривленные черты своего лица, ясно чувствовал всю грубость своей страсти, и эта грубость странно нравилась ему и радовала его [Чаянов 1989, 79].

Причем, не только Алексей меняется под действием злобного двойника, меняется и его жена:

Всматриваясь в зеркало, он не узнавал в отражении спокойных черт своей подруги и, отводя глаза от зеркала на ее собственное лицо, не узнавал ее также. Передвигая тяжелую мебель, невольно касаясь ее руки, бедер, он чувствовал, что все существо Кэт переродилось. Ее всегда холодное и спокойное тело, казалось, горело, как расплавленный металл [Чаянов 1989, 79].

Таким образом, зло, проникающее в героя, начинает изменять, разрушать не только его характер и мировоззрение, но и сознание близкого человека.

Герой отождествляет своего жестокого inferнального двойника с дьяволом: «Алексей с отчаянием невероятным чувствовал, что черты его лица повторяют гримасы дьявольского двойника» [Чаянов 1989, 80]. Вследствие проникновения допельгангера в жизнь Алексея, происходит расщепление «Я» героя, двойник занимает его место в мире, заставляя совершать определенные действия (попав под зеркало, Алексей вынужден повторять действия двойника, затем доказывать свою невиновность в преступлении, бороться за право быть свободным и находиться рядом с Кэт).

Ключевым мотивом повести является мотив судьбы. В статье *Экзистенциальное субъективное в романтической прозе В.Б. Мусий*

акцентирует внимание на авторском стремлении решить проблему свободы и предопределения. Исследовательница пишет:

Убежденность исключительной личности в наличии силы, которая управляет всем, что с нею происходит и делает бессмысленными попытки реализовать себя по своей воле, находит выражение в мифологизации обстоятельств, фатализме [Мусий 2010, 51].

Понятие «судьба» объединяет в русском языковом представлении о мире идею непредсказуемости будущего с проистекающей из этого неспособностью человека контролировать свою жизнь. Судьба по отношению к героям нейтральна. Он вдруг обнаруживает, что о происходящем с Кэт он может судить только по тому, что происходит в зеркале: «Только по движению стоящего перед ним стеклянного существа мог он судить о судьбе своей подруги» [Чаянов 1989, 81]

Слово «рок», напротив, наделено семантикой враждебной человеку могущественной силы, действие которой может усматриваться в неблагоприятных для человека стечениях обстоятельств, являющихся как результатом внешне случайных совпадений, так и inferнальной силой, проникающей в жизнь персонажей. А.В. Чаянов в рассматриваемой повести часто использует существительное «рок». И абсолютно во всех случаях «рок» связан с дьявольским, всюду сопровождающим Алексея, злобным двойником, который претендует на место героя.

Алексей оценивает события, происходившие, после приобретения зеркал, не иначе, как с позиции вмешательства рока в его жизнь. Герой находит искомое зеркало в «роковой день» [Чаянов 1989, 76], в «роковой момент» [Чаянов 1989, 79] рассказывает обо всём Кэт, переживает без любимой жены «роковую ночь» и «роковое утро» [Чаянов 1989, 89]. Таким образом, в какой-то момент герой утрачивает свободу и оказывается во власти антагонистических сил. Зеркало, выполняя, с одной стороны, свою прямую функцию, становится предметом, через который враждебно настроенный двойник стремится проникнуть в жизнь Алексея, изменить его сознание и поменяться с героем местами.

Наблюдая за тем, как двойник господствует в жизни Алексея, главный герой повести Чаянова совершает экзистенциальный выбор, решает бороться:

Его беспокойство возрастало до пределов чрезвычайных, когда до сознания доходило смутное опасение, что стеклянный двойник не рассеялся, как дым, как наваждение детской сказки, но продолжает жить где-то рядом, караулит свою добычу, и борьба между ними далеко еще не кончена [Чаянов 1989, 85].

В.В. Шервашидзе, называя понятие свободы «краеугольным как для романтизма, так и для экзистенциализма», пишет: «Судьба, в отличие от романтического понятия таинственной и непознанной закономерности, приобретает в экзистенциализме значение единственного закона в мире смыслоутраты» [Шервашидзе 2005, 152]. Алексей понимает, что не только его свобода, но и личное счастье находится в опасности и решает, во что бы то ни стало, вернуть его, спасти Кэт. Он стреляет, идёт к гадалке, борется.

В повести *Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека* А.В. Чаянов, кроме мотива противостояния зеркального двойника, использует ряд других экзистенциальных мотивов и тем. В первую очередь, это тема утраты смысла существования, разочарования, мировоззренческий, духовный кризис. Попав в зеркальное пространство, Алексей понимает, что его «чувства постепенно угасают» [Чаянов 1989, 82], что он, против своего желания, вынужден «наблюдать горестную судьбу своей подруги» [Чаянов 1989, 82], что «ощущение дикой безысходности и предельного отчаяния наполняют его душу» [Чаянов 1989, 83].

Одним из главных экзистенциальных мотивов в повести выступает мотив свободы. Ощущая себя «порабощённым, униженным, безвольным» [Чаянов 1989, 81], герой не может мириться со своим бессилием и вынужденной пассивностью. Он решает бороться.

Важным мотивом также выступает экзистенциальный мотив сна. В эстетике экзистенциализма он связан с ощущением ирреальности происходящих событий. Алексей «помнит точно сквозь сон» [Чаянов 1989, 78], как снимал тафту с венецианского зеркала, а, попав в зеркальное пространство, видит десяток двойников, «одинаковых, как стая рыб в сонном пруду» [Чаянов 1989, 87].

Для выражения эмоционального состояния героя, А.В. Чаянов использует и такие экзистенциальные мотивы, как мотив подавленности («Алексей был подавлен до предела той вульгарностью и омерзительной похотливостью, которыми был преисполнен его чудовищный двойник» [Чаянов 1989, 80]), мотив бессилия («щемящая тоска бессилия» [Чаянов 1989, 77] поражает Алексея, когда он испытывает коллекционерский сплин; супруга героя, под властью его двойника, предстаёт «обессиленной» [Чаянов 1989, 82]; «бессилен» [Чаянов 1989, 83] Алексей в своих попытках помочь ей; он также «бессилен бороться» [Чаянов 1989, 86] с оказываемым на Кэт воздействием своего допельгангера; «бессилен подняться за нею» [Чаянов 1989, 87]), мотив абсурдной глупости (во время обвинения Алексея в преступлении, которого

он не совершал, герой «ясно понял, что непростительно глупо попал в элементарную ловушку» [Чаянов 1989, 88]), мотив страха (Алексею удаётся «задерживать упорством своей руки какое-нибудь омерзительное движение своего двойника, приводить последнего в неистовство и заставлять в страхе отступать от зеркала» [Чаянов 1989, 80]), герой вынуждает двойника «в страхе бегать по московским улицам» [Чаянов 1989, 84]).

Обратим внимание на ещё одну немаловажную экзистенциальную особенность повести *Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека*. В своём произведении А.В. Чаянов делает серьёзный акцент на эмоциональной природе Алексея, чьё существование наполнено идеей «экзистенциального преодоления» собственной расщеплённости.

Если до покупки зеркала и встречи со своим двойником Алексей испытывал беспокойство из-за интерьера особняка, скуку и вялость: «Алексей заметно терял хладнокровие, и ему казалось, что неудача с устройением яузского дома обрекает на неудачу и устройство жизни с его обитательницей» [Чаянов 1989, 77], то после пребывания под зеркалом, борьбы с двойником, мышление Алексея наполнено покоем, герой сознательно ценит комфортность дома: «вместе с потоками света на Алексея пахнуло теплом и уютom его кабинета» [Чаянов 1989, 94]).

В повестях Чаянова действительность становится опасной, демонической, приобретающей гротескный облик. В повести *Необычайные, но истинные приключения графа Фёдора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У.* также присутствует экзистенциальное зло мира.

Образ колдуна Брюса вознамерившегося воспрепятствовать счастьем главного героя, Бутурлина – сюжетное ядро повести. Могущество inferнального старика подтверждено его реальным прототипом, существовавшим в конце XVII – начале XVIII века. Военачальник и доверенное лицо Петра I, Яков Вилимович приобрел известность благодаря колдовским деяниям. Алхимик и колдун, Брюс являлся обладателем волшебной *Чёрной книги*, принадлежавшей ранее царю Соломону и сохранившей в себе тайны человечества. А. Низовский приводит такие предания о Брюсе:

Говорили, будто такой он имел талант, что насыпят перед ним, бывало, горсть гороха – сколько, мол, горошин? Так он только глянет и тут же

точно скажет: столько, и никогда не обочтется ни одной горошиной. Или спросят Брюса: сколько раз колесо повернется, если ехать от такого-то места, к примеру, до Киева? А и тут не соврет, и это скажет. Или взглянет на небо и скажет, сколько есть звезд на небеси. Одно слово, арифметчик был [Низовский 1998, 294].

Создатель эликсира бессмертия, успешный во всех научных областях, у Чайнова выступает в образе, близком фольклорному. Как известно, А.В. Чайнов считал себя творцом «московской гофманиады», потому связал реальное историческое лицо со сверхъестественным, сделал его владыкой человеческих судеб, следуя гротескно-фантастической художественной манере немецкого романтика.

В отличие от народных легенд, в которых Брюс предстает хотя и в мифологизированном облике, но не всегда в качестве представителя злой силы, чайновский Брюс несет только разрушение. Станным, при этом, оказывается то, что Брюс прибавляет агрессии главному герою, Бутурлину. Если до встречи с колдуном Фёдор вёл праздный образ жизни, то после – скитается, совершает преступления. А победив Брюса (который оказывал магическое влияние на людей, полностью контролируя их жизни) в финале повести, граф Бутурлин не только победил мага, но и победил отрицательную частицу в себе. Двойник Алексея, как и Брюс из *Необычайных, но истинных приключений графа Фёдора Михайловича Бутурлина...*, наделён inferнальными характеристиками, отождествлен с дьяволом. Кстати, подобный мотив (связи зеркального и демонического) позже мы встречаем в романе М.А. Булгакова *Мастер и Маргарита*: Воланд и его свита проникают в реальную Москву из потустороннего мира также с помощью зеркала.

Нельзя исключить, что в этом произведении отразились особенности мироощущения и судьбы самого автора. Отождествляя двойника из *Венецианского зеркала...* с Тенью (примитивным слоем психики) Чайнова (подтолкнувшей писателя, наряду с общественно-политическими условиями жизни в стране, к уезду из России), автор исследования творчества писателя с точки зрения обстоятельств его биографии (с использованием методов аналитической психологии К.Г. Юнга), И. Герасимов пишет:

А. Чайнов сумел преодолеть внутренний раскол, признал свою Тень и решил разделить её судьбу, возможно, улучшить её [Герасимов 1997, 70].

Но гораздо важнее учитывать при анализе произведения его литературный контекст. В *Венецианском зеркале...* «творец московской

гофманиады» воссоздаёт героя, который в своём противостоянии зеркальному отражению вначале терпит поражение, меняется местами с двойником. Однако в итоге вырывается из заточения под стеклом. Нельзя исключить отсылки автора к повести Э.Т.А. Гофмана *Золотой горшок*, главный герой которой также оказался заключённым под серебряное зеркало, отлитое гадалкой. Автор *Венецианского зеркала...* неоднократно подчёркивал свой интерес к произведениям и художественной манере любимого писателя, романтика Э.Т.А. Гофмана. Как правило, множеством ликов (личин, воплощений) героев обладают в произведениях Э.Т.А. Гофмана персонажи, связанные с inferнальным. То есть имеет место такой художественный прием, как гротеск. Герою же, в силу развитой интуиции, силы воображения лишь удается угадать их дьявольскую сущность.

Правда, чаще всего, столкновение с inferнальным завершается поражением (даже гибелью) героя, не имеющего сил противостоять злу. В рассказе *Песочный человек* немецкий романтик представляет читателям героя, попавшего под власть дьявольской силы Коппелиуса, продающего Натаниэлю подзорную трубу, посмотрев в которую, герой теряет рассудок; а в другом произведении Гофмана, *Истории об утраченном зеркальном отражении*, главный герой оставляет своё отражение в зеркале красавице-Джюльетте, находящейся на службе у дьявола, представленного в образе доктора Дапертутто. Утрату отражения, как и потерю тени (Эразмус Шпикер в *Приключении в ночь под Новый год* Э.Т.А. Гофмана в поисках утраченного отражения на какое-то время становится спутником героя другого немецкого романтика, А. Шамиссо, Петером Шлемилем, иллюстрацию к титульной странице первого издания повествующей о продаже им дьяволу своей тени *Удивительной истории...* выполнял Гофман) немецкий романтик отождествляет с промыслами нечистой силы.

Для литературы и культуры начала XX века в целом свойственно усиление внимания к судьбе отдельной личности, сути человека и его внутреннего мира. Философия экзистенциализма, «существующая по большей части в художественных формах» [Шаровская 2009, 17], нашла активное выражение в повести А.В. Чайнова. В результате встречи с демоническим герой вбирает в себя частицу зла и не принадлежит себе уже полностью, даже начинает любить это зло в себе. Однако, собравшись со своей волей и упорством, одерживает победу в борьбе за свободу, выигрывает битву с демоническим двойником, наградой в которой служит спокойное существование в реальном мире. Целью Чайнова, изображающего зеркального двойника, агрессивно пытающегося

захватить пространство героя, является «урок, преподанный умышленно и состоящий именно в том, что человек должен жить по своей свободной воле» [Арутюнова 1994, 39], а не по судьбе.

Литература

- Арутюнова Н.Д., 1994, *Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва.
- Герасимов И., 1997, *Душа человека переходного времени. Случай А. Чаянова*, Казань.
- Киченко А.С., 2003, *Мифопоэтические формы в фольклоре и истории русской литературы XIX века*, Черкассы.
- Криворучко С.К., 2012, *Интерпретация романа Симоны де Бовуар «Мандарины»*, [в:] *Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина*, № 994, с. 112–119.
- Мусий В.Б., 2009, *Проблема судьбы в повести Н.В. Гоголя «Вий»*, [в:] *Слюсарь Арнольд Алексеевич: Методія*, Одесса, с. 494–500.
- Мусий В.Б., 2010, *Экзистенциальное субъективное в романтической прозе*, „Русская филология”, № 3–4, с. 50–55.
- Низовский А.Ю., 1998, *Легенды и были русской старины*, Москва.
- Подорога Валерий, 2006, *Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Том 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский*, Москва.
- Тырышкина Е.В., 2002, *Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду*, Новосибирск.
- Чаянов А.В., 1989, *Венецианское зеркало: повести*, Москва.
- Шаровская А.В., 2009, *Социальные проблемы в экзистенциальной философии*, „Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского”, № 11, с. 17–18.
- Шервашидзе В.В., 2005, *От романтизма к экзистенциализму*, Москва.
- Grishakova Marina, 2006, *The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction: Narrative Strategies and Cultural Frames*, Tartu.
- Lis-Czapiga Agnieszka, 2014, *Неоромантизм как предмет рефлексии в современном русском литературоведении*, [в:] *Русская литература конца XIX–XXI века: диалог с традицией*, Rzeszów, с. 17–34.

THE EXISTENTIAL IN THE STORY BY A.V. CHAYANOV
THE VENETIAN MIRROR, OR OUTLANDISH ADVENTURES OF GLASS MAN

S U M M A R Y

As is known, for the literature at the beginning of the XX century tend to gain interest on destiny of the person, the essence of the inner world and man's place in the world.

The article presents the results of the analysis story of Chayanov in terms of having it existential and anthropological problems, the path of solutions. Attempt to understand the passing from existential objective to existential subjective.

In the story "The venetian mirror, or Outlandish adventures of glass man" happens to a split personality in the disharmonious world, the hero changes under the influence of its counterpart. During the study, special attention was paid to the role of the concept of "freedom", "existential choice" in the story.

In the article were identified and discussed the existential motifs and themes used by the writer. Holistically analyzed the expression of the philosophy of existentialism in the story of A.V. Chayanov.

During the research, we came to the conclusion that the author, recreating of two worlds, split personality and character, came into the fight with the infernal double endowed demonic force, focuses on the duty of man to live beyond their fate, but of his own volition.

Анна Саворовская e-mail: sevivon@mail.ru